А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—начала XVIII в.

«Кто такой был этот Андрей Белободский, в науке до сих пор не установлено: откуда он был по происхождению и какой был род его деятельности — определенно сказать невозможно».[1] Эти слова Д. Совицкого, сказанные в начале XX в., могут быть с полным основанием повторены 60 лет спустя. О жизни писателя конца XVII—начала XVIII в. Андрея Белобоцкого нам не известно почти ничего, и самое авторство его сочинений до сих пор оспаривается исследователями.

А между тем литературное творчество Андрея Христофоровича Белобоцкого оставило заметный след в истории русского просвещения XVII—XVIII вв. Сочинения его имели успех у читателей и получили значительное распространение: десятки известных нам списков «Великой науки Раймунда Люллия» свидетельствуют о популярности этого произведения вплоть до начала XIX столетия; сокращенная Андреем Денисовым «Великая наука» приобрела известность в старообрядческих кругах русского севера; его трактаты по риторике служили учебным руководством в эпоху «прений о вере», а стихотворный диалог «Краткая беседа милости со истиною», опубликованный в Петербурге в 1712 г. в числе первых изданий гражданской печати, заслужил впоследствии похвалу Н. И. Новикова.

Не предвосхищая окончательных суждений о месте Андрея Белобоцкого в истории литературы, мы попытаемся на основании всех имеющихся в нашем распоряжении данных восстановить облик этого талантливого поэта и оригинального мыслителя, в чьем творчестве отразились некоторые характерные черты русской культуры кануна петровских преобразований.

1. Кормовщик Московского чину

А. И. Соболевский, оспаривая мнение Д. Совицкого о принадлежности так называемой «Риторики Раймунда Люллия» Иоакиму Богомолевскому, пришел к выводу о том, что книга эта — труд Андрея Белобоцкого, «того из двух Белободских, живших в Москве во второй половине XVII века, который перевел в 1685 г. „Беседу о милости с истиною“ и около 1685 года (до 1689 года) две части книги Фомы Кемпийского о подражании Христу и который — потому, вероятно, что был хорошим латинистом — в 1686 году ездил в качестве переводчика вместе с Н. Спафарием в Китай. После 80-х годов XVII века об этом Белободском у нас сведений нет. По-видимому, он умер в конце 80-х или в начале 90-х годов».[2]

В немногих этих словах приведены все биографические данные, которыми располагала к тому времени историческая наука; необходимо, однако,

[1] Д. Совицкий. Русский гомилет начала 18 века Иоаким Богомолевский. Киев, 1902, стр. 52.

[2] А. И. Соболевский. Рецензия на книгу Д. Совицкого «Русский гомилет начала 18 века Иоаким Богомолевский». — ЖМНП. СПб., 1903, № 3, стр. 184—185.

исправить оговорку А. И. Соболевского: в Китай автор «Риторики» ездил не с Н. Спафарием, чье посольство относится к предыдущему десятилетию, а в составе посольства Федора Алексеевича Головина. В качестве участника русско-китайских переговоров попал толмач Андрей Белобоцкий на страницы «Истории России» С. М. Соловьева.[3] Как явствует из статейного списка великого посольства окольничего Ф. А. Головина, на китайскую границу с послами был направлен «для переводу латинских писем из дворян Андрей Бялобоцкой».[4]

Основываясь на этих данных, некоторые исследователи называют Белобоцкого «переводчиком Посольского приказа».[5] Однако материалы архива приказа никак не подтверждают этого предположения: имени Белобоцкого мы не встречаем ни в списках переводчиков и толмачей, ни в окладных книгах денежного жалованья, ни в челобитных, ни в переписке Посольского приказа за 1680—1701 гг.[6]

В действительности, как это видно из столбцов, содержащих переписку по посольству Ф. А. Головина, А. Белобоцкий был привлечен к участию в посольстве не в качестве переводчика Посольского приказа, а со стороны: 12 января 1686 г. «указали великие государи ... послать на свою, великих государей, службу на китайскую границу с великими послы с окольничим Федором Алексеевичем Головиным с товарищи для переводу латинских писем из Розряду кормового иноземца Андрея Белобоцкого». На запрос Посольского приказа о жалованье Белобоцкому из Разряда было сообщено, что «в списку Московского чину кормовщиков нынешнего 194 году написано: великих государей из дворян Андрею Христофорову сыну Белобоцкому кормовых денег по пяти алтын на день».[7]

По данным списка кормовщиков 1683 (7192) г., А. Х. Белобоцкий, из «польской веры» был написан в службу с 7189, т. е. 1680/81 г.[8] Однако мы не обнаружили его имени в списке кормовщиков 7190 (1681) г.[9] Не удалось нам найти и документов о переходе иноземца Белобоцкого на службу в Россию. В «Книге записной выезжих иноземцев польских и литовских людей» с января 1671 (7179) до марта 1698 (7206) г. отсутствуют записи как раз за интересующий нас 7189 г., причем пометы-скрепы по листам дьяка Федора Шакловитого свидетельствуют, что этих записей в книге не было и в 80-х годах XVII в.[10]

Впервые имя А. Белобоцкого мы встречаем в списках 1682 (7191) г., когда он получал кормовых денег 2 алтына 2 деньги в день; но уже 25 января 1683 г. «по указу великих государей ... велено кормовых ему денег давать и с прежними по пяти алтын на день».[11] Когда в том же 1683 г. в Разряде происходила раздача поместий вместо кормовых денег, Белобоцкому причиталось получить вместо пятиалтынного ежедневного жалованья поместье в 7 крестьянских дворов, но 20 мая 1684 г. «по подписной

---

[3] С. М. Соловьев. История России, кн. 3. Изд. «Общественная польза», стлб. 1031—1033.

[4] ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., кн. 10, л. 3 об.

[5] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 174; Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, изд. 2-е. М.—Л., 1947, стр. 56.

[6] С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 131—152; ЦГАДА, ф. 138, 1680 г., д. 1; 1683 г., д. 3, 10, 14; 1696 г., д. 11; 1701 г., д. 48.

[7] ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., кн. 9, л. 137; д. 2, ч. 1, лл. 180, 217—218.

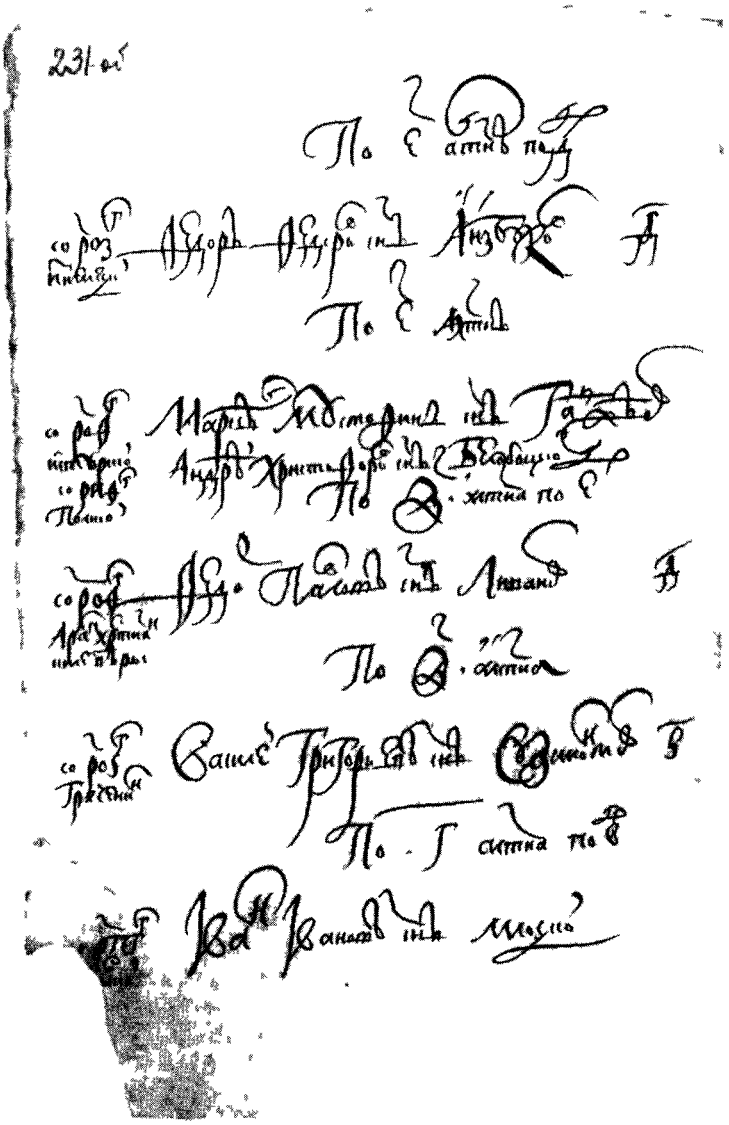
[8] Там же, ф. 210. Книги денежного стола, д. 138, л. 231 об.

[9] Там же, д. 139, лл. 1—116.

[10] Там же, Книги приказного стола, д. 21, лл. 81—87.

[11] Там же, Книги денежного стола, д. 139, л. 152.

челобитной и по выписке велено кормовые деньги давать по-прежнему» [12] Это же жалованье, составлявшее, по подсчету книг денежного стола, годовой оклад в 54 рубля 25 алтын, сохраняется за А. Х. Белобоцким и в по-



Запись о службе А Х Белобоцкого в Списке кормовщиков 1683 г (ЦГАДА, ф 210, Книги денежного стола, д 138, л 231 об)

следующие годы,[13] вплоть до того дня — 14 января 1686 г., — когда за ним были посланы подьячие и приставы Посольского приказа. Андрея Бело-

[12] Там же, д 217, л 83б д 138, л. 182 об
[13] Там же, д 138, лл 39 об, 67, д 217, л 28 об

боцкого они не застали, «для того что он, Андрей, з женою с того своего двора збежал безвестно». В течение трех дней на дворе беглого кормовщика-иноземца была устроена засада: толмачи Тарас Иванов и Иван Никитин и приставы Андрей Башмаков, Федот Башерин, Перфилий Репеев и Кузьма Данилов «с товарищи» поочередно «стояли» на дворе у Андрея Белобоцкого и отправляли в приказ всех приходивших ко двору людей. Записи «роспросных речей» позволяют расширить круг наших сведений о жизни Белобоцкого в Москве.

Взятый в Посольский приказ дворник Белобоцкого оказался крестьянином стольника Воина Римского-Корсакова Иваном Памфиловым; в Великий пост 1685 (7193) г. он был отдан помещиком Белобоцкому «пожить для работы», «а за что-де ево, Ивашку, отдал ему, Андрею, пожить или вовсе отдал, того он не ведает». 15 января был задержан «малой» Тишка Прокофьев, сын священника церкви Иоанна Предтечи под Девичьим монастырем, который зашел на двор к Андрею Белобоцкому «для повиданья, потому что за ним, Андреем, ево, Тишкина, сестра», по дороге к подьячему Поместного приказа Дмитрию Авдееву, за которым была другая его сестра. Так как Авдеев жил за Яузой, можно предположить, что и двор Белобоцкого находился где-то неподалеку.

На следующий день первым на двор Белобоцкого пришел Стенка Григорьев, дворовый стольника Петра Матвеевича Апраксина: «... послал ево, Стенку, он стольник на двор к Андрею Белобоцкому проведать про него, дома ли он, и чтоб он к нему приехал, для того что он, Андрей Белобоцкий, учит ево, стольника, по-латине». Вторым был приведен в Посольский приказ Максим Исаев, дворовый стольника Федора Яковлевича Волынского: «сего-де числа господин ево послал ево, Максимка, на двор к Андрею Белобоцкому, а велел ево позвать к себе, а для чего велел к себе звать, того он, Максимко, не ведает, а преже его он, Максимко, к нему, Андрею, от господина своего приваживал на двор запас». И хотя «за что присылал к нему запас, того он, Максимко, не ведает», можно с полным основанием предположить, что, подобно Апраксину, и Волынский брал у Белобоцкого уроки латинского языка.[14]

Помимо установления семейного положения, родственных связей и места жительства Белобоцкого записи «роспросных речей» позволяют определить круг его московских учеников и покровителей. Петр Матвеевич Апраксин (1659—1728), брат царицы Марфы Матвеевны, вдовы царя Федора Алексеевича, с 1686 г. состоял комнатным стольником Петра I и принадлежал к ближайшему окружению молодого царя; с 1689 г., после победы над партией Софьи, он окольничий, затем боярин, с 1715 г. граф, сенатор и президент Юстиц-коллегии. Значительную роль играли в Петровскую эпоху и его младшие братья Федор и Андрей.

Стольник Федор Яковлевич Волынский, сын окольничего Якова Семеновича и племянник боярина, царственной большой печати оберегателя Василия Семеновича Волынского, принадлежал к тому же кругу московского дворянства, группировавшегося вокруг Петра I: старшие братья его Иван и Михаил были стольниками матери царя, Натальи Кирилловны Нарышкиной.[15] Нам ничего не удалось узнать о стольнике Воине Римском-Корсакове; имя Воин было родовым и встречается в этой дворянской семье на протяжении XVIII—XIX вв.; трудно сказать, означало ли получение

---

[14] Там же, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, лл. 181—185.

[15] Русский биографический словарь, т. II. СПб., 1900, стр. 240; А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I, изд. 2-е. СПб., 1895, стр. 115.

Белобоцким в работники его крепостного материальную поддержку и покровительство образованному иноземцу или это была обычная сделка.

Возможно, что, рассчитывая на содействие своих покровителей, Андрей Белобоцкий первоначально пытался уклониться от «дальней посылки на китайский рубеж», скрываясь три дня «в ухоронках», «под Девичьим монастырем у тещи своей, у вдовой попадьи Екатерины». Назначение в посольство Головина было для него, видимо, неожиданностью: первоначально, в первых числах января, «для переводов латинских писем» был назначен переводчик Стахей Годзаловский. Но уже 16 января Белобоцкий явился в Посольский приказ, а несколько дней спустя, жалуясь в челобитной, что ему «на такую дальнюю службу подняться нечем», просил о выдаче кормовых денег вперед на четыре года. Просьба эта успеха не имела, подъемные дали ему лишь на год вперед.[16] В списках кормовщиков Московского чину 1686 г. против имени Белобоцкого на полях появились записи: «Послан в Дауры»; а в декабре 1686 (7195) г. имя его было вычеркнуто из списка.[17]

Нет смысла останавливаться на деятельности А. Х. Белобоцкого в качестве члена великого посольства Ф. А. Головина. Никакого самостоятельного значения его участие в русско-китайских переговорах не имело, но переводчиком он был, вероятно, неплохим. Когда в ставку русского посла прибыли иезуиты — представители китайской стороны, им было сказано, «чтоб они ... о делах ... латинским языком говорили, а при них, великих и полномочных послах, есть знающий латинского языка дворянин, и о чем говорити будут они езуиты, и тот дворянин им великим и полномочным послам доносити будет». Пригодилось и знание Белобоцким французского языка для перевода тайно переданного иезуитами письма. Именами «дворянина и подьячего» — Андрея Белобоцкого и Семена Василькова, постоянно высылаемых для переговоров от русских послов к китайским, пестрят страницы статейного списка посольства Головина.[18]

После длительных и успешно закончившихся переговоров великое посольство Ф. А. Головина 10 января 1691 г. вернулось в Москву. Это последний документально засвидетельствованный факт из жизни Андрея Белобоцкого.

2. Философ Андрей Христофорович

Наряду с официальными документами важным источником для восстановления биографии Андрея Белобоцкого могут служить его сочинения. Список их был составлен в начале нашего века А. И. Соболевским,[19] однако ряд исследователей оспаривал его выводы.

Только два произведения Белобоцкого содержат указания на имя их автора. Первое из них — «Краткая беседа милости со истинною» во всех списках конца XVII в. и в печатном издании 1712 г. завершается словами: «Творение Андрея Христофорова сына Белобоцкого, лета Христова 1685».[20] Ничего, кроме даты написания, диалог этот для изучения биографии автора не дает. Второе подписанное автором сочинение — «Пента-

---

[16] ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, лл. 185, 188, 215, 217, 219—221.

[17] Там же, ф. 210. Книги денежного стола, д. 138, лл. 97, 155 об.; Столбцы Приказного стола, д. 1077, л. 230.

[18] Там же, ф. 62, 1685 г., кн. 10, лл. 951, 1000—1061, 1100, 1104.

[19] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 158, 159, 174, 175, 204, 205, 442, 443.

[20] ГПБ, О.I.229, л. 24 об.; БАН, 16.16.21, л. 16.

теугум, или пять книг кратких, творения Андрея Белобоцкого»[21] также не содержит никаких биографических сведений.

Третье сочинение — русский перевод первых двух книг трактата Фомы Кемпийского «О последовании Христу» подписано инициалами «А. Х. Б.», одно совпадение которых с инициалами Белобоцкого свидетельствует в пользу предположения о его авторстве. Кроме того, польский текст посвящений-анаграмм говорит о происхождении переводчика, а почерк этих записей совпадает с почерком подписи Белобоцкого под записью его показаний в Посольском приказе.[22]

Перевод первой книги Фомы Кемпийского посвящен игуменье Новодевичьего монастыря Антониде Даниловне, перевод второй книги — наместнице монастыря Анастасии Федоровне. Дата написания перевода устанавливается довольно точно: игуменья Антонида вступила в управление монастырем в январе 1683 г., умерла 6 декабря 1689 г. Так как Белобоцкий отправился в Китай в январе 1686 г., перевод, очевидно, был закончен осенью 1685 г., так как автор говорит в предисловии о подготовленном им, но еще не отредактированном переводе третьей книги сочинения Фомы Кемпийского; завершению этой работы, как можно полагать, помешало участие в великом посольстве.[23]

В посвящении перевода игуменье Антониде содержится намек на некие важные услуги, оказанные ею переводчику: «Всяцей твари, — пишет А. Белобоцкий, — (могущей разумети благодеяние) даде сие прирождение, да по силе своей благодарна благодетелеви своему является. Аз со благодарными благодеянии пречестности вашея проповедником сочислятися желаю».[24] Возможно, Белобоцкий, женатый, как мы знаем, на дочери священника церкви близ Девичьего монастыря, пользовался покровительством игуменьи Антониды.

Главное философское сочинение А. Х. Белобоцкого — «Великая наука Раймунда Люллия» ни в одном из сохранившихся списков не содержит сведений об имени ее автора.

Рядом исследователей отмечено несомненно русское происхождение этой книги: автор стремится приспособить изложение Люллиева искусства к русским условиям, приводит русские меры веса, длины, объема, употребляет русские пословицы, обозначает даты по «щету восточныя церкви», обличает старообрядцев, ссылается на русский перевод «Логики» Иоанна Дамаскина. В то же время, приводя примеры государственного устройства, автор ссылается на русские и польские порядки, а в языке книги встречаются полонизмы.[25]

Обращает на себя внимание отмеченное В. П. Зубовым повторение в большинстве списков «Великой науки» в «корнях» «Древа Майориканского» имен Андрея и Христофора.[26]

На полях рукописи так называемой «Риторики Раймунда Люллия» (ГИМ, Увар. 126), против мест, близких по своему содержанию с некото-

---

[21] ГИМ, Увар. 268, лл. 355—369 об.

[22] ГИМ, Синод. 825, лл. 3 об.—4, 50 об.—51; ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, л. 185.

[23] ГИМ, Синод. 825, л. 2 об.

[24] *Там же, л. 2.*

[25] Н. Соколов. Философия Раймунда Люллия и ее автор. — ЖМНП. СПб., 1907, № 8, стр. 331—338; В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в. (Русская люллианская литература и ее назначение). — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 292, 298, 299; А. Х. Горфункель. «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели. — Сб. «XVIII век», т. 5, Л., 1962.

[26] В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства..., стр. 299.

рыми разделами «Великой науки», неизвестный читатель сделал (на *лл. 226 об., 228, 236, 237, 255, 267 и др.*) *пометы: «Белобоцкого».*

Так как «Великая наука» написана в 1698/99 г., мы должны отказаться от предположения А. И. Соболевского о том, что Андрей Белобоцкий умер в начале 1690-х годов.

Если предположение, что автором «Великой науки» является А. Х. Белобоцкий, принято большинством исследователей без существенных оговорок, то значительно сложнее обстоит дело с установлением авторской принадлежности «Риторики». Д. Совицкий приписывает ее Иоакиму Богомолевскому; В. П. Зубов, воздерживаясь от определенного суждения, полагает, что, «если „Великая наука" принадлежит ... Андрею Белободскому, то „Риторика Люллия", основанная на „Великой науке", уже явно составлена духовным лицом».[27]

Анализ содержания «Риторики» позволяет установить следующее.

1. «Риторика» написана в Москве.

2. Язык «Риторики», по замечанию А. И. Соболевского, близок к языку «Великой науки»; в нем встречаются полонизмы; сам автор говорит о польском языке как о родном («природном»).

3. Автор «Риторики» обнаруживает самостоятельное знакомство с той же самой люллианской литературой, что и автор «Великой науки», причем разделы «Риторики», в которых идет речь о Люллии и Майориканской академии, не являются заимствованием из «Великой науки».

4. Имеющиеся в «Риторике» совпадения с текстом «Великой науки» не являются буквальными заимствованиями и отличаются по форме изложения, основываясь на общем с «Великой наукой» круге представлений.

5. Два списка «Риторики» (ГИМ, Увар. 126 и 267), один из которых не был известен Д. Совицкому, имеют на внутренней стороне переплета помету: «Белобоцкого».

6. Автор «Риторики» советует начинать проповедь с напоминания «о последующих вещах жизнь нашу, о смерти, о страшном суде божием, о славе небесной и о муках вечных во аде», т. е. о предметах, составляющих содержание первых четырех книг «Пентатеугума» Андрея Болобоцкого; беседа 13-я первой книги «Риторики» содержит и текстуально близкое прозаическое переложение первой книги поэмы, а слова автора «Риторики»: «коль чистше злата солнце, коль светлейша сребра луна» — представляют собой почти буквальную цитату из первых строк «Пентатеугума»: «О светлейше злата солнце, луно, чиста паче сребра».[28]

7. Почерк рукописи ГИМ, Увар. 18, содержащей и «Великую науку», и «Риторику», совпадает с почерком единственного сохранившегося и, возможно, авторского списка «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого.

8. Автор «Риторики», говоря о лжепророках, пишет: «О прелестных такожде пророках и волхвах мощно бы ми что рещи, не токмо от чтения и слышания об них, но и от видения самозрительного в Сибирских странах, яко с ума шедши, люто диаволом мучими бывают все чувства телесныя, назад им кривляющимся».[29]

Пребывание автора «Риторики» в Сибири наряду с другими приведенными выше основаниями убеждает нас в том, что она написана участником посольства Головина Андреем Белобоцким.

---

[27] Д. Совицкий. Русский гомилет начала 18 века Иоаким Богомолевский, стр. 51, 55, 62, 87; В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства..., стр. 298, 303.

[28] БАН, Арх., С-149, лл. 85, 121, 247 об.

[29] Там же, л. 69—69 об.

Предположение же Д. Совицкого об авторстве Иоакима Богомолевского должно быть окончательно отвергнуто. Факты биографии Богомолевского противоречат тем биографическим сведениям об авторе «Риторики», которые содержатся в тексте этого сочинения. Д. Совицкий попадает в порочный круг, доказывая пребывание Богомолевского в Испании, Франции, Германии (о чем нет никаких данных в хорошо сохранившихся документах его следственного дела) на основании приписываемой ему «Риторики», а затем обосновывая авторство Богомолевского этими же данными его биографии.

Никак не подтверждается анализом содержания «Риторики» и приведенное выше мнение В. П. Зубова о том, что она составлена духовным лицом. «Риторика» действительно предназначена для духовенства, и потому, вероятно, правильнее было бы ее, вслед за Д. Совицким, называть «Гомилетикой», однако сам автор, составляя руководство для «проповедников слова божия», нигде не относит себя к их числу.

Время написания «Риторики» установить трудно. Считалось, что она составлена после «Великой науки». Но имеющиеся в ее тексте совпадения с «Великой наукой» не являются заимствованиями и могут представлять собой первоначальную редакцию соответствующих разделов «Великой науки». К тому же, говоря в «Риторике» о Раймунде Люллии и Майорриканской академии, автор не предполагает в читателе предварительного знакомства с учением каталонского философа, которое было бы естественно, если бы «Великая наука» предшествовала «Риторике». Поэтому нам представляется более убедительным датировать «Риторику» серединой 90-х годов XVII в.

Третье «люллианское» сочинение — «Краткая наука Раймунда Люллия» является дословным переводом «Ars brevis»; принадлежность ее автору «Великой науки», т. е. Андрею Белобоцкому, никем не оспаривается. В. П. Зубов считает, что «Краткая наука» «во всяком случае ... предшествовала „Великой"».[30] Но мы не знаем ни одного списка «Краткой науки» ранее 1698/99 г.; в ряде случаев переписчик вместо 1307 г. — даты окончания Люллием «Краткой науки» ставил дату окончания переписки этого сочинения; самой ранней из такого рода записей является запись от 29 апреля 1707 (7215) г.,[31] и, возможно, она относится ко времени завершения Белобоцким работы над переводом. Кроме того, естественно предположить, что Белобоцкий не начал с перевода этого сочинения Люллия — автора, в России до того никому не известного, а занялся этим переводом, ободренный успехом «Великой науки».

И, наконец, последнее, седьмое по счету, сочинение А. Белобоцкого — «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем» представляет собой краткий трактат по риторике. Несмотря на некоторое отличие в терминологии, «Книга философская» основана на применении логических принципов «Великой науки» и «Риторики». Владелец одной из рукописей «Книги философской» П. П. Вяземский сообщает о тезке Белобоцкого — полковнике Андрее Христофоровиче, упоминаемом в донесении земских бурмистров Белозерской ратуши от 24 сентября 1722 г.,[32] но нам представляется более правдоподобным отождествление «философа Андрея Христофоровича» с Андреем Христофоровичем Белобоцким. «Книга фило-

[30] В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства..., стр. 296.

[31] ГПБ, Тиханов, 216.

[32] ГПБ, Вяз., О.XXVIII, л. II; Описание рукописей П. П. Вяземского. Изд. ОЛДП, т. CXX. СПб., 1902, стр. 510—514; Книга философская. Изд. ОЛДП, т. XVIII. СПб., 1878.

софская», несомненно, написана после «Великой науки» и «Риторики» и является, вероятно, последним произведением нашего автора.

Отождествление «кормовщика Московского чину», преподавателя *латинского языка в домах Апраксиных и Волконских, переводчика в посольстве* Головина с автором «люллианских» сочинений, «философом Андреем Христофоровичем» значительно расширяет круг наших сведений о жизни Андрея Белобоцкого.

До приезда в Россию он успел получить хорошее философское и богословское образование. В его сочинениях мы встречаем многочисленные ссылки не только на творения отцов церкви, но и на крупнейших представителей средневекового богословия. Если знание трудов Беды Достопочтенного, Фомы Аквинского, Петра Ломбардского, Бронавентуры, кардинала-иезуита Робарта Беллармина, «регулы иезуитской риторов» и т. п. свидетельствует о пребывании в одной из польских иезуитских коллегий, то другие данные говорят о том, что Белобоцкий не ограничился в своем философском образовании схоластической премудростью. Он прекрасно знаком с учением Раймунда Люллия и, что особенно важно, читал сочинения его позднейших «толковников» — Агриппы Неттесгеймского, Иоганна Генриха Альстеда, Валерия де Вальер, Джордано Бруно; в «Риторике» и «Великой науке» встречаются ссылки на Кардано, излагается полемика трех «сект» — аристотеликов, рамистов и люллистов, приводятся мнения Дионисия Ареопагита и кабалистов, опровергаются воззрения атеистов и Анаксагора.

«Риторика» содержит многочисленные указания на странствования автора по странам Европы. Он говорит, например, об обычае «на всяк день поучения творити, яко во Франціи, Италии, Гишпании, Фландрии и прочих землях», рассказывает о гонениях на неверных в Испании, об обычаях «немцев и гишпанов», об обыкновении произносить в великий пост ежедневные проповеди в приходских церквах Испании, Франции, Италии и «по нижних немецких землях», об особенностях проповедей в «княжении Бранденбурском» и т. д. Рассказав о щедрости польского посла в Риме, он добавляет: «Не верил бых тому, аще бы в Гишпании будучи, в Академии Валисолютинской на италианском языке в Риме напечатованной о том посольстве книги не видал».[33]

Андрей Белобоцкий обнаруживает не только прекрасное знание латыни, но и знакомство с французским, испанским и итальянским языками; приводит он примеры истолкования имен на греческом, древнееврейском, сирийском и халдейском языках. Польский язык для него родной, а русским и церковнославянским он овладел в полной мере.

Мы не знаем, занимался ли Белобоцкий литературной деятельностью до приезда в Россию, — здесь во всяком случае он проявил себя как плодовитый писатель. Нам представляется возможным установить примерно следующую хронологию его сочинений: 1684—1685 гг. — перевод трех книг трактата Фомы Кемпийского «О последовании Христу» (перевод третьей книги не сохранился): 1685 г. — «Краткая беседа милости со истиною»; середина 1690-х годов — «Риторика» и «Пентатеугум»; 1698/99 г. — «Великая наука Раймунда Люллия»; 1700-е годы — перевод «Краткой науки Раймунда Люллия» и «Книга философская».

Мы не знаем, принимал ли участие Белобоцкий в подготовке издания «Краткой беседы милости со истиною» в 1712 г. или она вышла в свет после смерти автора; во всяком случае 1712 г. — последняя дата, с которой так или иначе связано его имя.

[33] БАН, Арх., С-149, лл. 51 об., 78 об.—79, 114 об.—116 об., 217.

3. Еретик Ян Белободский

В отличие от скромного переводчика в посольстве Головина его однофамилец и современник Ян Белободский находился в самом центре духовной жизни России 80—90-х годов XVII в. В бурное время диспутов о вере его испытывали на соборе перед патриархом Иоакимом, ереси его обличал Сильвестр Медведев, с ним спорили в публичном состязании братья Лихуды; Павел Негребецкий и инок Чудова монастыря Евфимий доносили о его неправославных взглядах светским и духовным властям. Вошедшие в «Акос» Лихудов, в «Щит веры» и другие полемические сборники обличения ереси Яна Белободского получили широкое распространение.

Мимо деятельности этого «ересеучителя» не прошли и исследователи русской литературы конца XVII в. Правда, П. М. Строев задавался вопросом: «Сей Андрей Белобоцкий тот ли Ян или брат его?», — а архиепископ Филарет и, ссылаясь на него, С. А. Венгеров, прямо отождествляли Яна с Андреем, не приводя, впрочем, каких-либо доказательств.[34] Однако большинство исследователей присоединилось к мнению А. И. Соболевского, что «переводчик Андрей Белобоцкий не должен быть смешиваем с Яном Белободским».[35]

«Дело на еретика Яна Белободского» изучено достаточно подробно в статье Н. Субботина, а относящиеся к нему материалы полностью опубликованы Дм. Цветаевым.[36] Все остальные занимавшиеся им исследователи ничего не прибавили к этим двум публикациям.

Обличение Яна Белободского содержится в пяти документах: в челобитной Павла Негребецкого царю Федору Алексеевичу от 19 мая 1681 г.; в «выписке из вопрошения и на письме поданного веры исповедания иноземца Яна Белободского» от 18 мая 1681 г.; в ответе Сильвестра Медведева на «Вызнание веры» Белободского от 10 июня 1681 г.; в отрывке из «Акоса» Лихудов, содержащем изложение диспута их с Белободским 15 марта 1685 г.; в отрывке из сочинения иеромонаха Евфимия против учения Григория Скибинского, написанного в начале 1690-х годов.

Оставляя пока в стороне воззрения Яна Белободского и его деятельность до приезда в Москву, ограничимся краткой сводкой имеющихся данных о его пребывании в России.

В Москву Ян Белободский прибыл в 1680/81 (7189) г. из Смоленска, «для того, слышал он, что великий государь на Москве хощет заводити школы, и он желал того, чтоб ему в тех школах быть учителем». Будучи католиком, он собирался перейти в православие и даже стать монахом или священником. Обличенный в ересях на соборе в Патриаршей крестовой палате, он тем не менее остался в Москве и в 1685 г. участвовал в диспуте с братьями Лихудами. После поражения на диспуте, как предполагали ранее исследователи, Белободский вынужден был удалиться из Москвы; во всяком случае во второй половине 80-х годов его здесь не было, и в знаменитом споре о времени пресуществления святых даров он участия не принимал. Но уже в начале 90-х годов он снова в Москве: иеромонах Евфимий

---

[34] П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 36; Филарет. Обзор русской духовной литературы, изд. 3-е. СПб., 1884, стр. 210; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900, стр. 466.

[35] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 174.

[36] Н. Субботин. Ян Белободский и Павел Негребецкий. Эпизод из истории религиозных споров в России в конце XVII века. — Прибавления к Творениям св. отцов за 1862 г., ч. 21. М., 1862, стр. 569—614; Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I. М., 1888, стр. 196—242.

жалуется патриарху Адриану, что Белободский «все тожде и мудрствует, и в разговорех все латинству учит, и прельщает и доднесь».[37]

Итак:

1. Время появления Яна Белободского в Москве — 1680/81 (7189) г. — совпадает со временем приезда в Москву Андрея Белобоцкого.

2. Имя Ян упоминается по отношению к Белободскому только в 1681 г. Лихуды и Евфимий, чьи свидетельства относятся к 1685 и 1690-м годам, не называют обличаемого ими Белободского по имени. В отличие от позднейших исследователей современники ничего не знают о существовании в это время в Москве двух Белободских. В противном случае в полемических сочинениях обязательно было бы названо имя противника.

3. Диспут Лихудов с Белободским происходил в присутствии братьев царицы-вдовы Марфы Матвеевны, т. е. братьев Апраксиных, покровительством старшего из которых — Петра Матвеевича пользовался, как мы знаем, Андрей Белобоцкий.

4. В беседе с Павлом Негребецким Ян Белободский рассказывал, что ему «мафематик в немецкой земле прорицал в глубоких полуночных странах быти; тем же и рекл он, яко хотел бы он и в Сибирь ехати, или в Китайскую страну, и любезно ему он нарекл быти в разные далечайшие страны путьшествование».[38]

5. Белободский-ересеучитель не только сам не принимал участия в дискуссии о пресуществлении в 1687—1689 гг., но и обличающие его Лихуды говорят о нем, лишь вспоминая бывший с ним в 1685 г. диспут. Трудно допустить, чтобы сторонники греческой партии обошли молчанием еретика Белободского, если бы он находился в это время в Москве.

6. Белободский снова появляется в Москве в начале 1690-х годов. Таким образом, время отсутствия еретика Белободского совпадает со временем участия Андрея Белобоцкого в китайском посольстве Головина.

7. Наконец, если не все, то многие из еретических высказываний Яна Белободского нашли отражение в сочинениях Андрея Белобоцкого, — в «Великой науке Раймунда Люллия» и особенно в «Риторике». Мы встречаем в них мнения, близкие к изложенным в полемических против Яна Белободского сочинениях и в его «Исповедании веры»: и о предопределении, и о возможности спастись и в католической, и в православной церкви, и указания на необходимость следовать обыкновению церкви и земли, в которой пребываешь.

В «Исповедании веры» Ян Белободский утверждал, что лишь тогда «будет целая церковь, егда будет по страшном суде едино стадо и един пастырь»; эту же мысль мы находим и в «Риторике» Андрея Белобоцкого: «Подобает расколом быти в вере, да имя Христа восславится».[39]

Еретик Ян Белободский «исповедует: яко аще и разны суть постановления церкви святей греческой и костела римскаго, обаче кто познати не может, которая известнейша и безопаснейша вера (то есть в которой спастися лутче), избавлен во обоих верах быти может. Но которому бог в сердце толцает, дабы лучше ту избрал, неже ону, а той человек того толцания божия не послушает, той не может быти известен своего спасения: ибо противится духу святому». О том же почти дословно говорит Андрей Белобоцкий в «Риторике»: «Бог же от зла силен есть сотворити благое, наипаче егда кто не по упрямству своему и противлении духу святому и

---

[37] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 196—242.

[38] Там же, стр. 203.

[39] Там же, стр. 235; БАН, Арх., С-149, л. 77.

власти церковной, но по неведомости не согласную церкви божией веру держит, и за сию душу свою полагает. Неведомость убо не есть грех, аще истиннаго наставления не имеет».[40]

Все эти совпадения в биографии и во взглядах убеждают нас в том, что ересеучитель Ян Белободский и переводчик Андрей Христофорович Белобоцкий — одно лицо. Мы знаем, что, приехав в Россию, Ян Белободский намеревался принять православие и даже стать духовным лицом. Если в последнем намерении ему воспрепятствовали его влиятельные в церковных кругах противники, то переход в православную веру в связи с поступлением на царскую службу не должен был представить особых затруднений. Переходом в православие может быть объяснена перемена имени. Правда, казалось бы, более естественно было бы ожидать замены польского имени «Ян» русским «Иван», тем более что в «Исповедании веры» на русском языке Белободский и прямо именует себя Иоанном. Подобные случаи имели место при переходе в православие из инославных христианских исповеданий: так, иноземцу Степану Демонту при крещении в православную веру было дано имя Степан. Но это не было общим правилом, гораздо чаще встречалась перемена имени при крещении: Авдотья Миллер получила при переходе в православие имя Матрена, Степан Босман был наречен Яковом, София Рихтер — Дарьей. Во всех этих случаях, относящихся к 1681—1691 гг., собственные имена переходящих в православие иноземцев могли бы быть и сохранены, так как встречаются в русских святцах.[41]

Отождествление Андрея Белобоцкого с ересеучителем Яном предоставляет в наше распоряжение ряд дополнительных биографических данных.

Павел Негребецкий в своем доносе, ссылаясь на земляка Белобоцкого, «Литовския страны иеродиакона Мануила», который «его, Белободского, знает из малых лет», сообщает, что тот прежде жил в Слуцке «за хлопца» у ректора-кальвиниста, «о котором в Слуцку ведомо многим людем, что он был чернокнижник», «и после жил в Торуне, в котором их кальвинской суфруган, то есть их духовный начальник, который их ставит в попы, и в Торуню он учинен алюмном, то есть клириком и потом в Слуцку той Белободский в кальвинском зборе сказывал еретическая поучения».

В Польше Белобоцкий подвергался преследованиям со стороны иезуитов, которые его называли кацермистром, «то есть ереси учителем», «дабы его христиане прелести хранилися». После Слуцка он «хотел было учить» в Могилеве, «и от того учинилось в Могилеве замешание». Из Могилева Белобоцкий приехал в Смоленск, но, узнав о том, иезуиты «нарочно присылали к смоленской шляхте, воеже бы шляхта от того Белободскаго хранилися и прельщению иго лестному, яко кацермистру, не верили»; по словам самого Белобоцкого, иезуиты опасались, «дабы аз в Смоленску академии, сиречь науки, не заводил».[42] Таким образом, самый приезд Белобоцкого в Москву был в значительной мере вызван преследованиями со

---

[40] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 232; БАН, Арх., С-149, л. 77.

[41] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 41—60. Любопытно, что, ставя свою подпись под распросными речами в Посольском приказе в 1686 г., Андрей Белобоцкий фамилию свою написал по-польски: Bialobocki, а имя, хотя и латинскими буквами, но не по-польски: Andrzei, а по-русски: Andrey; очевидно, имя Андрей было для него не родным, польским, а русским, полученным при крещении в православие (ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, л. 185).

[42] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 198, 214, 216.

стороны иезуитов; не случайно много лет спустя, в «Риторике», он обличал лицемерие и корыстолюбие иезуитов: «и не грех им продавать Христа за тысящу рублев».[43]

Приехав в Москву, Белобоцкий поселился в Спасском монастыре вместе со своими земляками иеромонахами Козловским и Кудрицким. Беседы с ними, а особенно с архимандритом монастыря Гаврилой Домецким и польским выходцем Павлом Негребецким послужили поводом к обвинению его в тайной и явной ереси. Как уже установлено исследованиями Н. Субботина и А. Прозоровского,[44] выступление с обличительной челобитной мало кому известного и необразованного Павла Негребецкого [45] было инспирировано Сильвестром Медведевым, увидевшим в Белобоцком не только опасного по своим взглядам ересеучителя, но и нежелательного конкурента при предполагавшемся устройстве Академии в Москве. Медведев собственноручно написал черновик доноса царю. Но еще до этого, 18 мая 1681 г., Белобоцкий был вызван к патриарху, испытан в вере и признан еретиком. Однако собор в крестовой палате не принес нужных Медведеву результатов: церковные власти удовлетворились обещанием Белобоцкого «ереси римския, люторския, кальвинския написать своею рукою и проклинать; также обещал написати веру греческую и церковная предания своею же рукою, с обещанием, что ему в той вере пребыти до смерти».[46] По существу это означало согласие на крещение Белобоцкого в православие.

Медведев решил обратиться к светским властям. На другой день им была написана и подписана Негребецким челобитная царю Федору Алексеевичу. Боярин И. М. Языков в тот же день передал ее царю. Настоятель Заиконоспасского монастыря требовал решительной расправы с «кацермистром»: призывая не верить намерению Белобоцкого креститься в православие, он завершает челобитную обращением к царю: «... и ты, православный монархо, пожалуй, повели на тело и на кровь Христову хулы его и лукавства кровию его на нем изыскати ... Ибо лучше есть единому умрети, нежели многим еретичеством погибнути».[47]

Вероятно, вспоминая о предательском доносе Павла Негребецкого, Белобоцкий писал впоследствии в «Риторике»: «Иннии (еже самая лукавая злоба есть натуры) в гневе своем гладко с досадниками своими глаголют, или странныя, и до себе не надлежащия вещи подмечают, да уловят в чем неопасный язык в гневе досадника своего, по чему мощно б его обвинить и в тяжкие беды привести, да тако гнев свой кровию досадников своих и аще им мощно смертию самою угасят».[48]

Ход дела не оправдал ожиданий Медведева: единственным известным нам результатом была вновь передача дела на суд патриарха. 31 мая Белобоцкий подал «Вызвание веры». Опровержение на это исповедание было написано С. Медведевым 10 июня 1681 г. и в тот же день послано пат-

---

[43] БАН, Арх., С-149, лл. 221—222.

[44] Н. Субботин. Ян Белободский..., стр. 569—575; А. Прозоровский. Сильвестр Медведев. М., 1896, стр. 198—205.

[45] До сих пор сведения о нем исчерпывались тем, что он сам сообщал в своей челобитной. Нам удалось обнаружить документы о выезде Павла Данилова сына Негребецкого в Россию в феврале 1678 г.; имя его упоминается в списке кормовщиков Московского чину 1681/82 (190) г. с пометой на полях: «пропал» — и снова появляется в списке 1683 г.(ЦГАДА, ф. 210, Книги приказного стола, д. 21, лл. 53—54; Книги денежного стола, д. 139, л. 34; д. 217, л. 24 об.).

[46] Дм. Цветаев Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 219.

[47] Там же, стр. 215.

[48] БАН, Арх., С-149, л. 182.

риарху с Карионом Истоминым. Назавтра, 11 июня, «сие писание чтено на соборе в Патриаршей крестовой палате».[49]

Белобоцкого не постигла трагическая участь Квирина Кульмана. Он остался в Москве, перешел в православие, поступил на «государеву службу» и занялся литературной и преподавательской деятельностью, обеспечившей ему впоследствии покровительство ряда влиятельных лиц.

Ко времени приезда в Москву Лихудов в 1685 г. Белобоцкий уже имел достаточный авторитет, чтобы смело вызвать на спор ученых греков. К сожалению, о ходе диспута у нас имеются лишь крайне односторонние показания «самобратий» Лихудов, не отличавшихся ни скромностью, ни щепетильностью в полемике. Диспут был устроен в присутствии братьев Апраксиных, племянника патриарха Иоакима И. А. Мусина-Пушкина, переводчика Посольского приказа Н. Спафария. Белобоцкий «овогда глаголаше быти себе от калвинов, овогда же от лутеранов, и овогда же от папистов», в вопросе о пресуществлении придерживался латинских взглядов. По словам Лихудов, опровергнутый и уличенный ими в ересях Белобоцкий «пребых безгласен и убежать не можаше», так как бывшие с ним «боляре» понуждали его к ответу. В конце концов ересеучитель сослался на непричастность свою к богословию и предложил другую тему для диспута: как «рождается душа, от семене мужеска или посылается отвне, рекше от бога», но и тут был разбит.[50] Трудно сказать, чем в действительности закончился спор. Во всяком случае Лихуды получили в свои руки Академию, основанную два года спустя в Москве, Белобоцкий же спустя год после диспута уже находился в пути на китайский рубеж.

Сведения, сообщаемые Евфимием, представляют собой единственное свидетельство о деятельности Белобоцкого в 90-е годы. По словам иеромонаха Чудова монастыря, Белобоцкий, «яко диавол лживец, на соборе будто отрицался ересей лютерских и латинских, с анафематствами, а все творил притворством, имже вползе в паству Христову; а опосле того все тожде и мудрствует, и в разговорех все латинству учит, и прелщает и доднесь». И далее, говоря о деятельности «таковых прелестников» в Москве, фанатичный сторонник истинного православия сообщает, что «начаша сицевии семо приходити и вселятися некиих благородных жителей в домы, оттоле о церкви, и о церковных преданиях и чинех, и о самой вере начаше двизатися словеса неподобная, и тем не токмо простии человеци прелстишася, но и освященнии нецыи, иже помалу и тайно и тии о вере любопрения воздвижут, ими же многы прелщающе и от истины преучающе».[51]

В этой ожесточенной борьбе ревнителей древнего греческого благочестия и сторонников светского просвещения развертывается литературная деятельность Андрея Белобоцкого, к рассмотрению которой мы и переходим.[52]

4. Творения на русском диалекте

Вопреки мнению Андрея Белобоцкого, трактат Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и до него переводился на русский язык. Выяснение достоинств этого нового перевода не входит в наши задачи; нас инте-

[49] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 240.
[50] Там же, стр. 240—242.
[51] Там же, стр. 242.
[52] Уделяя основное внимание поэтическому творчеству Белобоцкого, его философским и религиозным взглядам, мы оставляем в стороне его риторические сочинения, обстоятельно исследованные В. П. Зубовым. См. также нашу статью «„Великая наука Раймунда Люллия" и ее читатели», посвященную выяснению причин популярности этого сочинения в XVIII в.; см.: стр. 193.

ресует прежде всего оригинальное литературное творчество Белобоцкого, а оно в данном случае представлено стихотворными посвящениями — «рифмами», предпосланными им каждой из двух частей перевода. «Рифмы» эти являются истолкованием анаграмм, «сиречь сложения слов некиих, избранных от литер имени, его же зде видел еси». В первом случае из букв написанного по-польски и по-русски имени и титула «Пречестнейшей Антониды Даниловны, игуменьи Новодевича монастыря под Москвою» составлена анаграмма: «Дар от духа святаго, поле свято, вождь даный девом законным в низине, лоно Авраамово»; из имени наместницы Анастасии Федоровны составлена анаграмма: «Древо кедрово в Ливане посаждене, Серафим с неба законнаго, и вам, сопостати, мочь Сампсона».

Первое посвящение написано традиционным 11-сложным силлабическим стихом с парной рифмой и с цезурой после пятого слога:

Имена с делы много согласуют,
Звание от дел людем приписуют.
Имя, звание, чин тобою взятый
Предизобрази в тебе сам дух святый...
Посреде всех ты на земле есть ныне,
Вождь, данный девам законным в низине...

Второе посвящение написано 13-сложным стихом с цезурой после седьмого слога:

Кто чте святые книги, весть лесы Ливана,
Славы их не покрыют вечныя времена.
От тех древес Соломон богу храм водрузи,
Из таковых же киот Моисей изобрази...
Богу, аггелом, людем вина веселия,
А вам, сопостати, мочь Сампсона велия.

Слова каждой из анаграмм искусно включены в «рифмы» и вписаны киноварью.[53] Льстивые посвятительные вирши эти ничем существенно не отличаются от аналогичных им стихотворений Сильвестра Медведева и Кариона Истомина и, несмотря на несомненное формальное мастерство автора, не обогащают наших представлений о русской поэзии конца XVII в.

По мнению А. И. Соболевского, диалог «Краткая беседа милости со истиною о божии милосердии и мучении» является переводом неизвестного латинского диалога; разыскать оригинал нам пока не удалось. Неравное число слогов в стихах диалога побудило А. И. Соболевского считать это сочинение «скорее прозаическим».[54] Однако почти весь текст «Беседы», за исключением прямых цитат из Библии, зарифмован. При этом некоторые, быть может и случайные, созвучия заставляют предполагать в авторе стремление ввести и перекрестную рифму:

Оба боги восхотеша быти, един их грех,
единo будет им и мучение.
Яко лукавый ангел, тако и человек
посланы будут во ад на осуждение...
Не глаголи тако, сестро; за грех, единожды сотворенный,
Бог мучит вовеки,
Яко погубил Дафана и Аврона
со всеми, Моисию противящимися человеки...
Или не за един грех Ахарь с сыны,
и дщерьми, с волы, овцы и ослами
Побиены камением от Иисуса и сожжены
и неповинных паде тьмами...

---

[53] ГИМ, Синод. 825, лл. 5—5 об., 52.

[54] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 174.

Робкие попытки эти получили дальнейшее развитие в последующем творчестве А. Белобоцкого.

Содержание «Беседы» составляет спор божественной милости и божественной истины о том, заслуживает ли грешник жестокой кары или прощения. Идея спасения рода человеческого вопреки суровым требованиям Истины (сраженная доводами Милости, она в конце диалога признает: «Милость все побеждает, все грехи покрывает Милость») явилась ответом Белобоцкого на религиозные преследования, которые он наблюдал в своих странствиях, на нападки фанатиков, жертвой которых был он сам — в Польше преследуемый иезуитами, в Москве — ревнителями исконного благочестия.[55]

Не исключено, что эти идеи «Беседы» послужили причиной гибели (может быть, уничтожения) всего тиража издания 1712 г., ни одного экземпляра которого не сохранилось. В результате в справочные издания книга эта попала без имени автора и под искаженным названием.[56] Список с печатного издания, сделанный (очевидно, из-за редкости этого издания уже тогда) в 1737 г. библиотекарем Академии наук А. Богдановым, хранится в Отделе рукописей БАН. С искаженным именем автора (Белоградский вместо Белобоцкий) сведения о диалоге были включены в «Опыт исторического словаря» Н. И. Новикова, отметившего: «Сия книжка написана весьма замысловато и достойна похвалы».[57] От Новикова имя несуществующего писателя Белоградского с неизвестно откуда взявшейся датой издания «1750 г.» перешло во все справочные издания и словари вплоть до С. А. Венгерова.[58]

Главное поэтическое произведение Андрея Белобоцкого — огромная, в 1328 стихов (в рукописи написано по два стиха в строку, и восьмистишия о перекрестной рифмой выглядят как четверостишия, так что в ней начитывается 664 стиха), поэма, названная автором «Пентатеугум, или пять книг кратких, о четырех вещах последних, о суете и жизни человека. Первая книга о смерти. Другая книга о страшном суде божиим. Третия книга о гегене и муках адских. Четвертая книга о вечней славе блаженных. Пятая книга о суете мира, нареченная Сон жизни человеческия».[59]

«Трудно сказать, что оно такое, — писал об этом произведении Белобоцкого А. И. Соболевский, — переделка чего-нибудь западноевропейского или подражание. Тема — четыре вещи последние — на западе была разработана много раз, и сочинения (прозаические) на эту тему Картена и Костера были переведены на польский язык».[60]

Ограничение источников «Пентатеугума» польскими переводами не может быть оправдано: как мы знаем, Андрей Белобоцкий владел латынью и западноевропейскими языками.

Прозаическое сочинение иезуита Франсуа Костера «Рассуждения о четырех вещах, последующих жизнь человеческую», неоднократно переиздававшееся в XVII в., представляет собой богословско-этический трактат,

---

[55] Интересно, что в «Беседу» проникли сведения о существовании учения о множественности миров: кровь Христа, «аще бы тысяща еще миров к сему было, вси от грехов омыти довольна» (БАН, 16.16.21, л. 15).

[56] Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. М.—Л., 1955, стр. 134.

[57] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 19.

[58] С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I, стр. 448.

[59] ГИМ, Увар. 268, лл. 355—369 об. В дальнейшем все цитаты из поэмы даются по этому — единственному списку.

[60] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 175.

лишь по названию и предмету своему совпадающий с сочинением Белобоцкого.[61]

Больший интерес представляет другое сочинение Костера — «Небесное учение», к которому в некоторых изданиях были приложены стихотворения о «четырех вещах последних» немецких поэтов-иезуитов, писавших по-латыни: «Погребальный плач» и «Страшный суд» Радера и «Вечные адские мучения» и «Вечная радость блаженных» Нисса. Эти произведения и послужили источником первых четырех книг «Пентатеугума».[62]

Мы не знаем, каким именно изданием стихотворений Иоганна Нисса и Матвея Радера пользовался Белобоцкий. Порознь и вместе они множество раз переиздавались на протяжении XVII в.[63] Лучшее из доступных нам изданий — мюнхенское издание 1688 г., содержащее тексты всех четырех «од» поэтов-иезуитов. Именно в этом издании стихи снабжены эпиграфами, теми же, что и у Белобоцкого. Параллельно с латинским текстом здесь приведен немецкий оригинал стихотворения Петра Франка «О смерти», являющийся оригиналом «Надгробного плача» Радера, а также немецкие переводы трех остальных стихотворений, исполненные Сигизмундом Бакхамером и Христофором Энгельбергером. Завершает этот сборник «Поэтическое состязание», содержащее наряду с той же первой «одой» Радера другие латинские переводы стихотворения Петра Франка, сделанные Рудольфом Маттманом, Якобом Бидерманом и Иеремией Декселем.[64]

Возможно, что ознакомление с этими разнообразными переводами с немецкого на латынь и с латинского на немецкий и побудило Белобоцкого принять участие в этом поэтическом турнире, создав на основе латинских стихов «творение на русском диалекте». Первые четыре книги «Пентатеугума» и представляют собой перевод четырех «од» Радера и Нисса.

Но если всякий поэтический перевод является в значительной мере оригинальным литературным произведением, то с тем большим основанием это можно сказать о переводах XVII в., и в особенности о переводе А. Х. Белобоцкого.

Прежде всего своеобразна стихотворная форма перевода. Сохранив 8-строчную строфу оригинала, Белобоцкий совершенно изменил размер, заменив чередование 8- и 7-сложных строк 8-сложным силлабическим стихом. Главное же отличие перевода Белобоцкого заключается в введении перекрестной рифмы. В латинских «одах» рифма вообще отсутствует. Характер размера и рифмы в параллельно опубликованных в сборнике немецких стихах совершенно отличен от стиха Белобоцкого.

Скорее всего рифма была введена Белобоцким в соответствии с характером русской книжной поэзии того времени, не знавшей белого стиха, и на основе своего собственного поэтического опыта «рифм» в посвящении к переводу Фомы Кемпийского и в «Краткой беседе». Насколько нам известно, Андрей Белобоцкий в «Пентатеугуме» впервые в истории русского стиха ввел перекрестную рифму.

Переводчик вольно обошелся и с композицией произведения, сократив количество строф в третьей и четвертой частях. Главное же композиционное новшество, введенное Белобоцким, — это присоединение к четырем «одам» немецких поэтов пятой, последней книги: «Сон жизни человеческие

---

[61] Costerus. De quatuor novissimis vitae humanae. Cracoviae, 1605.

[62] F. Costerus. Meditationes de quatuor novissimis vitae humanae. His accedi Doctrina coelestis. Viennae, 1743.

[63] M. Raderus. Syntagma de statu morientium. Monachii, 1614; I. Niess. Alphabetum diaboli. Dilingae, 1670.

[64] M. Raderus, I. Niess. Quatuor hominis ultima. Monachii, 1688.

или суета». Это несомненно тоже перевод, вероятно тоже с латинского языка, хотя обнаружить оригинал пока не удалось. Включение пятой части и создание из всех пяти книг единого, цельного произведения (в то время как в латинском тексте каждая «ода» имела самостоятельное происхождение и лишь со временем все четыре были объединены издателями) придали творению А. Х. Белобоцкого единство замысла и построения. Переводчик не счел возможным закончить свою поэму описанием райского блаженства святых, он даже не перевел эту огромную «оду» Нисса целиком, ограничившись 22 строфами из 60. Преисполненные глубокого трагизма скорбные размышления о смерти, страшном суде и адских муках занимают его более, нежели небесное воздаяние праведникам; и достойным завершением этих патетических описаний страстей человеческих и мрачных апокалиптических видений явилось не лицезрение святой троицы, а спокойное, умиротворенное и грустное размышление о суете человеческой жизни.

Переводя латинские стихи на «русский диалект», Белобоцкий приспосабливает свой перевод к русским условиям, стремясь сделать его близким и понятным русскому читателю.

Прежде всего он резко ограничивает употребление античных мифологических имен и понятий, часто опуская их или переводя русскими понятиями: «Парка» заменяется «смертью», Плутон — адом, царство Дита — царством Сатаны; такие имена и названия, как Крез, Цербер, Циклопы, Наяды, Олимп часто не переводятся совсем.

Белобоцкий широко вводит в свою поэму русские реалии, используя образы и понятия современной ему русской жизни. В стихах его действуют «князи с болярами», вокруг них — их «двор и дворяне», живут они в «палатах честных», люди бьют им челом до лица земли, а по смерти «боярин крестьянину, царь холопу равны будут». Вдова «по себе справит отчину». Смерть крадется «яко тать и разбойник», «вяжет веревку с крепких лык»; говоря об одеяниях богачей, не давших овчины бедняку, Белобоцкий перечисляет шубы, шубки с соболями, «горностайны с огоньками», рысьи, лисьи, бельи, вспоминает и о «поколенных кафтанчиках». Адский огонь он сравнивает с огнем на железных заводах.

В торжественный церковнославянский язык поэмы, грешащий полонизмами и латинизмами, Белобоцкий смело вводит слова и обороты русской разговорной речи: «в далекой путь идеши, а запасу тебе мало», «тверда будет постель главе, мила, что соль кому в очи», «прочь с полаты, ну, вон з двора!» и т. п.

Система образов в поэме Белобоцкого гораздо более выразительна и конкретна, нежели в насыщенных мифологическими ассоциациями отвлеченных моральных сентенциях поэтов-иезуитов.

В результате такой вольной переработки «од» Радера и Нисса Андрей Белобоцкий создал самостоятельное произведение русской поэзии, значительно превосходящее по своим художественным достоинствам использованный им латинский оригинал.

Первая книга — «О смерти» — открывается патетическим обращением к небесным светилам, вечности которых противостоит бренность человеческой жизни:

О светлейше, злата солнце, луно, чиста паче сребра!
Смерть блискую слышит сердце, мне умрети, вам жизнь добра.
Два светила в день и ночи, ваш век старости не знает.
Нам сон смерти лезет в очи, старых и младых стращает.
Звезды на небе светите, планиты кругом ходите,
Сестры Плеяды простите, дождь нам в жарах посылайте.
Кастор и Полюкс, ваша милость явна по морю плывущим.

Нам не поможет звезд ясность, с кораблем жизни тонущим.
Луги, травки, цветки, рощи, поля, горы, виногради,
Земля и древес ово́щи, огороды, лесы, сады,
Источники крустальных вод, думы птиц сладко поющих,
Жизни нашей кончится год, простите умирающих!

Преисполненные глубокой скорби причитания о неизбежности смерти перемежаются с бытовыми картинами повседневной жизни:

Схранивши тело в земли, вечная память пропевши,
За обедом приближенни смеются, тебе забывши...
Черно платие кручину, потужил год, сродник скинет,
По себе справит отчину, жена за другого выдет.
Душу твою поминати по церквям иным прикажут.

Призывом к праведной жизни в ожидании неминуемого конца и новым обращением к неумолимой «темных гробов владычице» завершается первая часть «Пятикнижия».

Другой, гневный и величественный, тон господствует во второй книге — «О страшном суде». Стих Белобоцкого приобретает мрачную торжественность:

Сюды, сюды поспешайте, монархове мира сего.
Песней моих послушайте, власть чина церковнаго.
Цари, князи с болярами, вельможа купно с рабами...

Грозное описание конца света открывает эту часть поэмы:

Где посмотрю, везде гроза, страх, болесть, замешание
Огненная стоит лоза, на грешных наказание...
Кипит море, камень дикий крушится, давно потеет.
Крик, вопль и шум превеликий, и небесна твердь ся хвеет.
Паде мир в гору ногами, претворился с городами,
Остаток сгореет с нами, живущими мертвецами.
Молчание в мире стает, в пепел сожженным до кола.
Ночь темна от моря встает, не звонят нам колокола.

Апокалиптические видения бедствий, обрушившихся на землю, сменяются описанием «сильных рот» богатырей, несущих знамя с изображением распятого бога — и начинается суд. Гневное обличение грешников, в котором явственно звучат ноты социального протеста, составляет едва ли не самую выразительную часть поэмы:

Аз алках, вы пировали, просил у вас милостыни,
Вы же ми отказывали, не дали хлеба крошины...
Чреву есте работали, с брюхом ходя, что с бочкою,
Нищих словом отбывали, отягчали работою...
В потех, в жарах, что в дни жатвы просил у вас охолоды,
Не помнили есте клятвы, не дали ми капле воды ..
Аз в морозех наго ходил, дрожал у вас под окнами,
Одежды на мя не положил, никто не покрыл шубами.
Вы платие сундуками делали всеми годами,
Шубы, шубки с соболями, горностайны з огоньками,
Рысьих, лисьих, бельих много, мне не дали и овчины.
Дрожите, ходите наго, не дам вам и рогозины.
Седях в тюрьме, главы моей безвинно врази искаша...
Странных, бедных, утомленных, с пути в твой дом приходящих,
Изгнал еси посрамленных, места у тебе просящих.
Ты на мяхком пуховнику лежал, а они не спали.
Полежишь в будущем веку в аде, они в небе стали...

Третья, самая большая часть поэмы — «О гегене и муках вечных» — во многом перекликается со второй. И здесь описание адских мук:

О мой боже, како кипит в огню глубока пучина,
В одно место жар ся копит, сера, смола, известь, глина.
Где не пойдешь, везде тошно, беда, горе, слов не стает.
Вся описать несть ми мощно, в разум ся нам не вмещает —

сочетается с обличением пороков.

Среди грешников и монахи:

Горе руцем кризмованным, плешам на главе стриженным,
В чын священской посвященным, но на душе своей скверным...

и богачи:

Горе господам жестоким, раб своих утесняющим...

и женщины:

Горе гладким лицам женским, душам, сердцам, надежам,
Гордящимся яко павлин хвостом, в прельщение мужем...

и франты:

Горе красиком, щепетком, кудрявчиком и чупринком,
Стави-ногом, верти-пядком, поколенным кафтанчиком,
Кудерки их и чупрунки станут с болем колтунами,
Пламень от них, смрад велицый, згореют с ними и сами.

и мятежники, и раскольники, и развратники — все, не послушавшие «заповедей, богом даных». Все осуждены:

Земля тебе не пособит, небо не даст ти помощи,
Гинь, пропадай, бог ти судит, в гегене несть грешным прощи.
Связан еси осужденный, недежда тя отступила,
Вечность, вечность без премены в гегене тя затворила.

В четвертой «песне» Белобоцкого напряжение резко спадает. После пламенных видений ада и страшного суда, после гневных патетических обличений следует умиротворенное описание райского блаженства:

Мрака тамо не бывало, ниже ночи и темности.
Светило ся не скрывало полно от агнца светлости.
Ветры шумов не творили, снегов же, градов и дождей,
Облаки не испустили вредливых с себе ненастей.

Но этот предмет явно не вдохновляет автора, и, описав святую троицу и окружающих бога святых, он неожиданно обрывает эту часть поэмы на описании мучеников, стоящих вокруг Христа с орудиями своих мучений в руках.

Завершает поэму пятая книга — «Сон жизни человеческия или суета». В ней гораздо больше, чем в других частях «Пентатеугума», ощутим перевод: суетность жизни доказывается примерами из древней истории — гибель Трои и разрушение семи чудес света; завершает поэму описание величия и падения Рима. Запустение великой столицы мира, разрушение древних памятников — таков бесславный итог великих деяний:

Наследники днесь Римляне, ищут древние честности.
Врата твои, о Трояне, подгризли зубы старости.
Паде столп седмилестничный, Севера милостиваго,

И двор Люкулла столичный, не знать валу Титоваго. .
В твоих банех, Антонине, гусята ся полоскают,
В твоей, Тибур, равнине, козы душных трав нюхают...

Печальным выводом звучат заключительные слова поэмы:

Потешные комедие с творцами и зрителями
Век пременил в трагедие, вся днесь лежат под ногами.

«Пентатеугум» Андрея Белобоцкого принадлежит, на наш взгляд, к числу значительнейших произведений русской поэзии конца XVII в.

Поэма эта посвящена чисто религиозному сюжету. Это и не удивительно. При всем своем свободомыслии, о котором речь пойдет в дальнейшем, Белобоцкий был, несомненно, человеком верующим. Существенно не то, что мысли о жизни и смерти воплощались поэтом в формах традиционных религиозных представлений, в привычных и понятных каждому его современнику библейских образах и ассоциациях, не для упражнения в версификации и не для повторения всем известных нравоучительных сентенций христианской морали взялся Белобоцкий за создание своей поэмы, — в фантастических картинах страшного суда и адских мук он пытался выразить свое видение мира.

Сейчас трудно еще сказать, в какой связи стоит «Пятикнижие» Белобоцкого с русской культурной традицией. Но при чтении поэмы вспоминаются иконы Страшного суда конца XVII—начала XVIII в. в церквах русского севера, фрески вологодских и ярославских соборов.

Драматическая эпоха великих потрясений, эпоха «мятежей и казней», «всеконечной погибели и разорения», когда целые уезды, доведенные до отчаяния поборами и платежами, снимались с насиженных мест и «брели розно», «скитаясь меж двор», а то и уходя в глухие леса к раскольникам, эпоха мрачных проповедей и самосожжений нашла свое отражение в страшных видениях и трагическом пафосе «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого.

Но как бы ни были велики страдания человека в конце XVII столетия, ими не исчерпывалось и не определялось содержание этой эпохи русской истории. 90-е годы — время первых петровских преобразований, время ожесточенных споров, время, когда решался вопрос о путях дальнейшего развития России. С прогрессивными тенденциями в русской культуре этой эпохи связана просветительская деятельность А. Х. Белобоцкого.

5. Исповедание веры

Подлинное соборное исповедание веры Яна Белобоцкого нам до настоящего времени разыскать не удалось. П. М. Строев сообщал, что он видел «Исповедание веры недостойного раба Христова Иоанна Белободского, философии и богословии профессора» на польском и русском языках среди сборников Патриаршей (Синодальной) библиотеки, однако указанные им шифры не позволяют установить местонахождение рукописей по позднейшим описаниям: [65] Архимандрит Филарет, не давая точных ссылок, упоминает сочинение Белобоцкого «О безразличии церквей»,[66] которое, по мнению Г. Мирковича, есть не что иное, как соборное исповедание веры на польском языке, подлинник которого «находится ныне в рукописном непереплетенном сборнике Синодальной библиотеки № 1, лл. 268—303».[67]

[65] П. М. Строев. Библиологический словарь, стр. 35—36.
[66] Филарет. История русской церкви. Период IV. Изд. 5-е. М., 1888, стр. 185—186.
[67] Гр. Мирковичъ. О времени пресуществления св. даров. Вильна, 1886, стр. 87

К сожалению, и это указание неточно: материалы упомянутого Г. Мирковичем сборника опубликованы Дм. Цветаевым и содержат не исповедание веры, а его опровержение.[68]

Однако и до того, как будет разыскано подлинное «Вызнание веры» Белобоцкого, о содержании его философско-религиозных воззрений мы можем судить как по доносам на него и обличениям его взглядов, так и — что особенно важно — по его сочинениям, в первую очередь «Великой науке» и «Риторике».

Сложное мировоззрение Белобоцкого требует обстоятельного изучения в тесной связи с анализом духовной жизни России конца XVII столетия. В настоящем кратком сообщении мы вынуждены ограничиться лишь самой общей и неизбежно неполной характеристикой его взглядов.

В основе философских представлений Белобоцкого, нашедших отражение как в «Великой науке», так и в «Риторике», лежит учение о «естестве».

«Естество, — говорит он в «Великой науке», — есть вещь, вышшая всех вещей, разумом нашим постиженных, выше убо естества ничтоже есть ... Не токмо всякая вещь созданная, но и сам бог деблым разумом нашим ниже естества полагается ... Говорим убо, естество инно есть созданное, инно несозданное; тем же естество разумом нашим выше создания и несоздания полагается. Бог же несозданный есть, того ради по недоумению разума нашего во описании бога полагаем его ниже естества».[69]

«Естество» не только выше бога в философском «описании», но и существует вечно: «...кроме бо естества, — читаем в «Риторике», — ничтоже созданное равное и сприсносущное быти ему (богу, — *А. Г.*) может».[70]

Это пантеистическое отождествление бога и «естества» связано в философии Белобоцкого с характерной для средневековых пантеистов «отрицательной теологией». Бог непознаваем конечным человеческим разумом, он не может быть описан вне понятия «естества»: «Аще же бог всех естеств созданных вышший есть, обаче разум созданный не может поняти и описати, и нарекше бога естеством, токмо от всех протчих естеств определенным»;[71] «Бог во всей мудрости, воли и силе своей и в делах вышеестественных не постижимой есть и не объятой».[72] Непознаваемость бога означает отказ от рационального богословия и вместе с тем изгоняет богопознание из философии.

Философия в системе Белобоцкого противостоит богословию. При этом преимущество философии заключается в том, что в отличие от основанного на религиозном откровении богословия она свободна в своем стремлении к познанию мира. «Вопрос сей (перед этим шла речь о вопросе, «аще что есть, или было, или будет», — *А. Г.*) свободнейше прелагают философове, нежели богословцы; богослове убо о вещех, верою преданных и церковью принятых не усумневаются. Философове же глубшаго разума и основания во всяких вещах ищут, и вины разсуждают: тем же и к богу вопрос творят, аще бог есть».[73]

При этом знание может противоречить религиозному откровению. Белобоцкий рассказывает читателям о споре между учеными «о мире вселенном, понеже убо Аристотель написал и крепкими доводами утвердил, иже мир сей видимый несть созданный, но вечный, яко и бог вечный есть. Сего

[68] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч I, стр. X—XI.
[69] ГПБ, F.III.1., лл. 11—12.
[70] БАН. Арх., С-149, л. 254.
[71] ГПБ, F.III.1., л. 11.
[72] БАН, Арх., С-149, л. 139.
[73] Там же, л. 268—268 об.

ради между философами верными спор есть о сем предании Аристотеля, не чтоб противники были вере сие предание отложившие, но острения ради разума своего, или яко они глаголют, с ограждением, аще б не вера иначе нас учила, не мощно разумом нашим довести, чтоб мир созданный был».[74]

Противопоставляя философию богословию, освобождая ее от роли «служанки теологии», Белобоцкий ставит «великую науку», понимаемую им как универсальный научный метод, выше богословия: «Которая мудрость о больших вещех вышьшим и истиннейшим наставлением поучает, честнейшая протчих наук есть. Сицевая есть богословия примером до иных наук. Но не до сей нашей кабалистичней, понеже наша наука поучает тако же о бозе, яко же и богословия, аще естественными доводами, не по откровению духа святого ... А понеже поучает о бозе достойностию равняется с богословиею: сверх того, понеже наставляет разум наш и о протчих художествах, нужнейшая богословии есть».[75]

Богословие вообще вызывает весьма критическое отношение со стороны Белобоцкого: «сколько голов, столько умов», говорит он о богословских спорах, «одно место тысящу толков имети может».[76] Прямым следствием критического отношения к богословию является критика церковных порядков, «священного предания», споров между восточной и западной церковью. «Аз несмь судья никому», — заявляет он по поводу несогласия церквей, а в другом месте пишет более определенно: «Уложения церковныя яко часто разрешаются, пременяются, на конец и вовсе отменяются, ясно о том свидетельствуют восточная и западная церковь, об одноком артикуле веры, похождения духа святаго, и седмерицею согласившеся на соборах, и паки разнствуя».[77]

Современники никак не могли понять, каковы действительные религиозные воззрения Белобоцкого: его обвиняли и в «латинстве», и в «люторской», и в «калвинской» ересях. В сочинениях своих он не обнаруживает специфически кальвинистских или лютеранских убеждений; более того, он, несомненно искренне, стремится придерживаться православия. Однако главное его убеждение: следует прекратить церковные раздоры. Выше мы приводили взятые как из «Исповедания веры», так и из «Риторики» высказывания его о том, что и в католической, и в православной вере «спастися мощно». Это не униатство. Об объединении церквей в его сочинениях нет речи. Но он не признает еретиками ни католиков, ни православных.

Главное в религиозных убеждениях Белобоцкого — идея личного отношения человека к богу: верующий должен обратиться к той из церквей, к которой его «толцает дух святой». В этом сильнее всего проявилось воздействие на него реформационных учений.

Элементы рационалистической критики «священного предания» и даже «священного писания» нашли свое отражение в высказываниях и сочинениях Белобоцкого.

Так, он рассказывает о приведенных в приложении к сочинениям Беды Достопочтенного сивиллиных пророчествах: «Некто хитрец ложный сие положил под именем пречестнаго иерея Беды, и на пророчество сивилл, но историю давно прешедшую сказывал, немало время после Карла (в рукописи ошибочно: короля, — *А. Г.*) Великого, царя французского, цесаря

---

[74] Там же, л. 154.
[75] ГПБ, F.III.1., л. 8 об.
[76] БАН, Арх., С-149, л. 290 об.
[77] Там же, лл. 192, 290 об.—291.

западного, поживши».[78] В беседах с Павлом Негребецким он подверг сомнению истинность писаний святых отцов: «Отцы святые таковы же человеци, яко же и мы, могли в писании погрешити».[79] В «Риторике» он обращает внимание на противоречия в книгах «священного писания», и, хотя сначала обвиняет «надутых в своей мудрости еретиков» в том, что они на этом основании «чинят раскол», в другом месте сам объясняет существование ересей несогласием между Ветхим и Новым заветом.[80] Говоря об обетах, данных богу, Белобоцкий осуждает «безумные» обещания и, приведя в пример обет библейского Ефаима (Иефаи), принесшего в жертву богу дочь, приходит к выводу, что такие обеты «лучше ... преступити, нежели исполнити».[81]

Наиболее полно религиозные воззрения Белобоцкого изложены им в разделе «Риторики», посвященном вопросам о мучениках. Указав, что мученики могут быть божиими (за истинную веру) и дьявольскими (за ложную веру), он выступает сторонником веротерпимости: «Мученики же диавольские не за веру истинную, но или за идолопоклонение, сиречь за веру в идолы свои, или за оборону ересей и расколов в вере, или за хулу и поругание веры благочестивой мучение принимают. Яко делалося недавно во многих царствах, но наипаче в Гишпании, гоня жидов, языков, сарацынов огнем, мечем, водою, аще кто неверия своего не отстал. После усумнившеся в жестокости своей царя, довольно быти судими, кроме всякого мучения, таковых за рубеж царства своего изгоняти, но и тако не свободися от усумнения совесть их.

«Егда убо место жидов и языков неверных новыя расколы в вере христианской восташа, ов убо римскую веру выславлял, инной греческой держался, сей арианскую, инной савелианскую и протчая ереси разсевал, един люторскую веру во многие царства ввести кусился, другой и сию самую, Кальвином исправленную, проповедал: тогда абие междоусобная восста брань, ревность, ненависть, гонение, мучение, и всяк в своей вере умирающий, чаял иже неповинно за бога и веру его истинную мучения принял. И ныне в церквах своих за мучеников почитаемы суть».[82]

Людей, умирающих за свою веру, притом веру христианскую, Белобоцкий не решается назвать «диавольскими мучениками»: «Мне мнится, приличнейше их не полагать между мучениками, нежели нарещи их мученики диавольския. Наипаче же не суть сущие еретики, аще и спорны себе, греки и римляне ... Инако несть ли безумие, сих, иже в Индии в Африки, и в протчих царствах Христа проповедают и за него мученическую смерть принимают, или овых, которые в пространных турецких землях гонения и страдания за того же Христа и его веру приняли, — для ради разлучения между греками и римлянами междуособно нарицатися диавольскими мучениками».[83]

Истинную веру Белобоцкий видит во внутреннем отношении к богу, о чем говорит здесь же в не лишенных таинственности и не вполне ясных выражениях: «Никто не может рещи сие слово Иисус, разве в дусе святем, удобнейша же есть рещи сие слово Иисус, нежели за имя его страдати. Но и оныя словеса не без тайны». Вообще Белобоцкий в сочинениях своих держится осторожно; свое рассуждение о мучениках он сопровождает оговоркой: «аз убо разсуждение мое о сем покорю церкви святой». Но разъ-

[78] Там же, лл. 66 об.—67.
[79] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 200.
[80] БАН, Арх., С-149, лл. 109, 290 об.
[81] Там же, л. 137 об.
[82] Там же, лл. 76—77.
[83] Там же, л. 77—77 об.

яснением его мысли может служить приведенное выше высказывание о том, что не является еретиком тот, «кто не по упрямству своему и противлении духу святому и власти церковной, но по неведомости не согласную церкви божией веру держит и за сию душу свою полагает».[84]

Вера сводится им, по существу, к соблюдению человеком божественных заповедей, к чему он имеет склонность от природы: «... такожде и сохранению заповедей божиих по естеству человек склоняется». Белобоцкий доходит даже до мысли о том, что склонность к добру побеждала бы в человеке и помимо божественных заповедей и без посредства церкви: «Обаче некая аще малая искра божественного света осталась в нем, воеже аще бы и заповедей божиих или церковных не было, обаче по наставлению естественнаго разума мощно розознать благое от злаго».[85]

Подобные высказывания позволяют говорить о близости воззрений Белобоцкого к идеям «естественной» и безоткровенной религии деистов.

Пантеистические идеи в философии, стремление освободить философию от опеки богословия, пропаганда независимого от богословия светского знания, элементы рационалистической критики церковных учений и, наконец, страстное выступление в защиту веротерпимости — эти черты мировоззрения Андрея Белобоцкого определяют историческое значение его литературно-просветительской деятельности в России.

Именно это обусловило резко враждебное отношение к нему ревнителей «древлего благочестия», стремившихся во что бы то ни стало сохранить безраздельное господство церкви и религии в культурной жизни страны. Этим же объясняется и та поддержка, которую встретил он со стороны стремящихся к светскому просвещению прогрессивных кругов русского общества. Просветительская деятельность Белобоцкого способствовала созданию определенных идеологических предпосылок петровских преобразований, в частности его идеи веротерпимости предвосхищали религиозную политику Петра I.

Но, приняв участие в подготовке крутого поворота в развитии русского просвещения и культуры, Белобоцкий неизбежно должен был оказаться в стороне от основной линии развития просвещения после осуществления петровских преобразований.

Новая русская культура не ограничилась высвобождением науки и просвещения из-под духовного господства церкви и религии. Победа светского знания означала прежде всего усвоение наиболее прогрессивных традиций европейской культуры. Требовалось прежде всего конкретное знание, требовалось всемерное развитие естественных и технических наук. А именно в этом и не был силен автор «Великой науки Раймунда Люллия», чьи естественнонаучные представления не шли дальше средневековой схоластической премудрости.

Не случайно поэтому в XVIII столетии, на пороге которого писал Белобоцкий свое крупнейшее философское сочинение, вкладывая в него всю свою незаурядную эрудицию выученика иезуитской коллегии и приверженца Майориканской академии, русское просвещение прошло мимо этого главного труда его жизни: «Великая наука» так и не дошла до типографского станка.

Но оставленная в стороне людьми просвещенными, она приобрела неожиданную популярность у «неученых искателей науки»; те, кому недоступно было образование, пытались найти корень знаний в секретах «Люллиева искусства». Именно этим и была обусловлена долгая жизнь «Великой

---

[84] Там же, л. 77—77 об.
[85] Там же, лл 132 об.—133.

науки» — на протяжении всего XVIII столетия она оставалась излюбленным чтением в демократических читательских кругах.

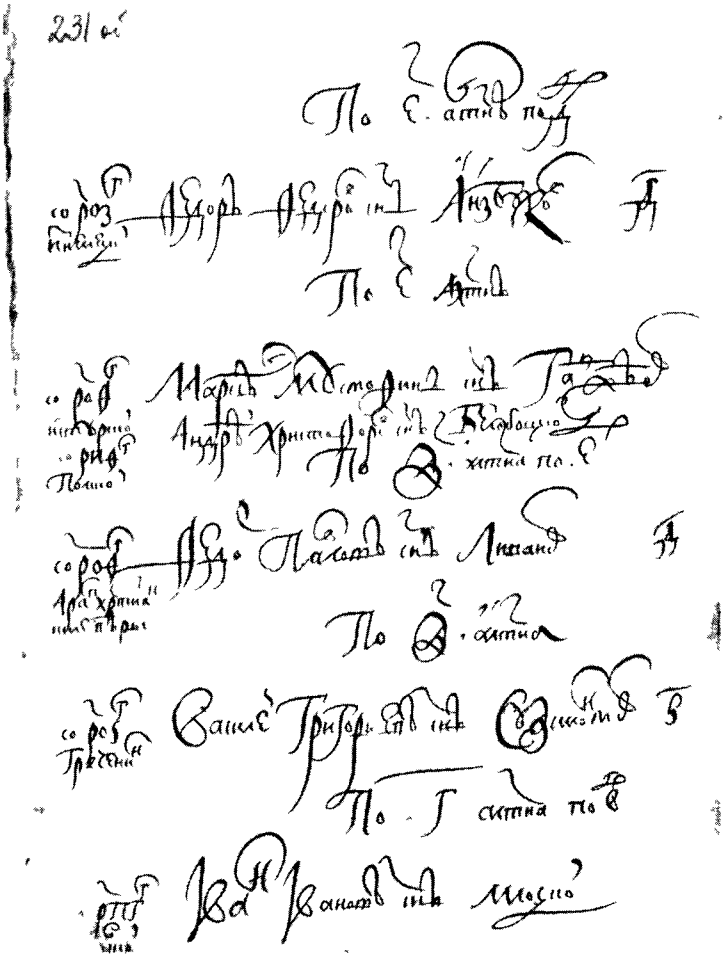
Сознавая всю неизбежную историческую ограниченность деятельности автора «Пятикнижия» и «Великой науки», мы не можем не признать скромных, но бесспорных заслуг перед русской культурой талантливого поэта, поборника просвещения и защитника веротерпимости Андрея Христофоровича Белобоцкого.

Изучение его жизни и творчества едва начато, и в настоящем сообщении мы можем лишь наметить основные направления, по которым должно, на наш взгляд, пойти дальнейшее исследование. Много неясного остается еще в биографии Белобоцкого. Необходимо изучить его связи с кальвинистским движением в Польше, с Валисолютинской и Майориканской академиями в Испании. Еще не найдены документы о переходе Белобоцкого в православие, которые позволили бы окончательно решить вопрос о тождестве Яна и Андрея. Не вполне ясны его занятия в качестве кормовщика Московского чину в годы до участия в великом посольстве, равно как и по возвращении из Китая, ничего не знаем мы о последних годах его жизни, не установлена и дата смерти писателя. Более глубокого анализа требует поэтическое творчество Белобоцкого, в частности необходимо изучить его связи с польской и западноевропейской литературной традицией; предстоит подготовить научное издание текста «Пятикнижия». Дальнейшие поиски подлинного «Исповедания веры», в случае их успешного завершения, дадут в руки исследователей первостепенной важности материал для характеристики религиозно-философских взглядов его автора. Только дальнейшее углубленное изучение литературного наследия А. Х. Белобоцкого в тесной связи с анализом современной ему русской и западноевропейской культуры позволит определить его место как в истории русской поэзии, так и в истории русской философской мысли.[86]

---

[86] Уже после того, как статья была сдана в печать, в ЦГАДА, благодаря любезному содействию старшего научного сотрудника архива И. Г. Королевой, были обнаружены новые документы об А. Х. Белобоцком, содержащие, помимо важных биографических данных, сведения о переходе его в православие: «а в римской вере было ему, Андрею, имя Иван» (ЦГАДА, ф. 138, 1682 г., д. 20, л. 360) Таким образом, наше предположение о тождестве писателя Андрея Белобоцкого и еретика Яна получило и документальное подтверждение.

челобитной и по выписке велено кормовые деньги давать по-прежнему».[12] Это же жалованье, составлявшее, по подсчету книг денежного стола, годовой оклад в 54 рубля 25 алтын, сохраняется за А. Х. Белобоцким и в по-



Запись о службе А. Х. Белобоцкого в Списке кормовщиков 1683 г. (ЦГАДА, ф. 210, Книги денежного стола, д. 138, л. 231 об.).

следующие годы,[13] вплоть до того дня — 14 января 1686 г., — когда за ним были посланы подьячие и приставы Посольского приказа. Андрея Бело-

[12] Там же, д. 217, л. 836; д. 138, л. 182 об.
[13] Там же, д. 138, лл. 39 об., 67; д. 217, л. 28 об.